

И. А. КРАСНОВА, Е. П. ТЕЛЬМЕНКО

УРОВНИ ВОСПРИЯТИЯ АНТИЧНОСТИ ФЛОРЕНТИЙСКИМИ ГОРОЖАНАМИ (по семейным книгам, дневникам, переписке)

Статья посвящена восприятию античного наследия представителями городской среды Флоренции в XIV–XV вв. Исследование производится на основе анализа семейных книг, переписки, биографий и хроник. Выделение уровней приобщенности к античной культуре опирается на такие критерии, как круг чтения, степень образованности, знание латинского языка, целепологание, отражающие разные степени интеллектуализации горожан, занятых торговлей, предпринимательством, банковским делом. Авторами предпринимается попытка определить влияние процесса складывания флорентийского патрициата на формирование интеллектуально-культурной элиты в первой половине XV в.

Ключевые слова: восприятие античного наследия, флорентийское общество, интеллектуальная элита, семейные книги, эрудитские кружки

Вопрос о значении античного наследия в становлении культуры итальянского Возрождения имеет длительную (ставился эрудитами еще в XVIII в.) и непрерывную традицию изучения. Проблема рецепций античной культуры представителями городского социума – купцами, ремесленниками, судьями и нотариями – не являлась предметом специального исследования, хотя так или иначе затрагивалась в различных трудах, посвященных темам социальных отношений, культурного антуража, духовного мира представителей городской среды¹. Наше исследовательское поле будет сосредотачиваться внутри городских стен Флоренции не только потому, что этот город аккумулировал выдающиеся достижения ренессансной культуры, но и в силу его насыщенности памятниками «литературы второго плана»² – хрониками, мемориями, дидактическими наставлениями, дневниками, письмами граждан.

Рецепция античного наследия будет рассматриваться в ракурсе процесса интеллектуализации как неотъемлемой части «новой культурно-интеллектуальной истории»³. Это позволит поставить вопрос о том,

---

¹ Эти темы рассматривались в середине XX в. видным французским историком Кристианом Беком. См.: Век 1967; 1986.

² Cazalé Bérard, Klapisch-Zuber 2004. P. 805–826.

³ «Новая культурно-интеллектуальная история» заменяет сложившуюся в историографии 1970–1980-х гг. бинарную модель культурных форм более сложной и подвижной моделью, отвергает вводящие в заблуждение дихотомии «идеи» и «чувства», «рационального» и «иррационального», «аналитического» и «символического», «интеллектуальной элиты» и «профанной массы», а с ними – жесткое противопоставление народной и ученой культуры, производства и потребления, создания и

насколько граждане Флоренции, не являющиеся непосредственными творцами и носителями ренессансной культуры, были сопричастны к ее становлению; в какой степени городской социум становился питательной средой для новых культурных веяний, призванных дать ответы на вызовы и запросы коммунального общества. Исходя из наблюдений, сделанных при изучении источников, вышедших из-под пера горожан, можно выделить уровни восприятия античного наследия, беря за основу такие показатели, как круг чтения, степень образованности и самое главное – знание латинского языка. Условность этих маркеров определяется тем, что они проявлялись в значительной мере спонтанно, в «хаосе повседневности», часто вне отформованных и санкционированных традиций культурных репрезентаций, практик и ритуалов. Вряд ли возможно связать эти уровни восприятия с определенными временными этапами: любые попытки окажутся достаточно условными.

В известных со второй половины XIII в. семейных книгах, рождающихся из бухгалтерских регистраций и тетрадей с записями имущественных сделок, не встречается следов античного наследия⁴, поэтому трудно судить, насколько и в каком виде оно было освоено авторами этих произведений. Но тексты последующего столетия дают некоторые сведения на этот счет. Так, в «Книге» торговца зерном Доменико Ленци, составленной в первой половине XIV в., содержатся столбцы однообразных прейскурантов цен на зерно, муку и крупу, соответствующие основному роду деятельности автора⁵. Эти ряды несколько раз внезапно прерываются описанием важных событий, в частности, картин голода 1329 г. Судя по этим записям, благочестие Доменико доходило до религиозной экзальтации. При этом в его «Книге» дважды возникал расплывчатый и, видимо, притягательный для мелкого купца образ античного мира. Автор с сожалением признавался в начале книги, что вынужден писать на *volgare*, ибо не знает «благородного латинского языка». Затем он упомянул «древних» (римлян), потому что «в их времена мало находилось таких, которые совершали что-либо против божественной воли, и потому всегда, и в личных делах, и в республике, имели они прекрасное устройство, ненависть отвратительные и грязные пороки, каковые сегодня... становятся чуть ли не добрыми делами»⁶.

присвоения культурных смыслов и ценностей, подчеркивая активный и продуктивный характер последнего». – Репина 2011. С. 339.

⁴ Например, наиболее ранние записи Бене Бенчивенни, относящиеся ко второй половине XIII в., Бальдовино Риккоманни, Джентиле Сассетти и его сыновей: *Primo libricciolo di crediti di Bene Bencivenni, Secondo libricciolo di crediti di Bene Bencivenni, Libro di amministrazione dell' eredita di Baldovino Jacopi Riccomanni, Libro del dare e dell' avere di Gentile de' Sassetti e suoi figli*. См.: *Nuovi testi fiorentini...* Vol. 1.

⁵ Lenzi 1978.

⁶ *Ibid.* P. 157.

В этом случае античная эпоха обладает аурой «старого доброго времени» и выглядит, как отдаленный прототип «золотого века», идентифицируемого с обществом древних римлян.

Плохо знающие латынь торговцы и сукноделы, образование которых сводилось обычно к счетной городской школе «абако», где не изучали риторики и диалектики, часто называли в качестве авторитетов имена античных авторов и героев, которые были на слуху в среде образованных горожан. Паоло да Чертальдо, современник Доменико Ленци и тоже торговец зерном, составляя для своих потомков морально-дидактические предписания, отмечал пользу нравственных наставлений классических авторов: наряду с опорой на католические авторитеты, он часто упоминал и цитировал Цицерона, которого, видимо, знал на уровне курса школьной хрестоматийной латыни⁷. Джованни Морелли (1371–1444), составивший свои мемории около 1411 г., предлагал детям учиться красноречию у Цицерона, мудрости – у Данте, философии – у Аристотеля. Он советовал читать античных авторов, хотя вряд ли знал их в подлиннике, учитывая отсутствие латинских цитат, но был убежден в ценности излагаемых ими истин для юноши из купеческой среды. Он наставлял: «Когда ты научишься кое-чему, читай Вергилия, Боеция, Сенеку и других авторов, о которых тебе говорили в школе. От этого последует огромное благо для развития твоего ума»⁸. Священное писание Морелли упомянул только после произведений римских и греческих мыслителей. Говоря о трудах древних, Морелли, как и многие сограждане, осознавал отвлеченность античной культурной оснастки от реальности своего времени, ее неадекватность повседневным делам купца. Культурный багаж Морелли, как и большинства других граждан, представлял комплекс практических познаний в сочетании с католическими истинами и догмами, «усвоенными в большей степени от проповедников и богословов»⁹. Витторе Бранка и Леонида Пандимильо, итальянские исследователи творчества Джованни Морелли, были убеждены, что он не читал текстов упоминаемых им авторов, приписывая, например, Эзопу вирши Овидия¹⁰. Сам купец утверждал, что латинский язык надо изучить настолько, чтобы понимать законы, читать нотариальные документы и писать деловые письма¹¹. В данном случае важен тот факт, что горожанин считал обязательными знания античных философов и писателей для юноши из торгово-банковской среды, что «позволит ему

⁷ Da Certaldo 1945. §§ 155, 225, 237, 350, 372.

⁸ Morelli 1956. 65a. P. 284; 63b. P. 289–290; 62b. P. 273–274.

⁹ Varese 1961. P. 54–55.

¹⁰ Branca 1956. P. 279; Pandimiglio 1974. P. 559. Клаудио Варезе утверждал, что античную культуру Джованни Морелли воспринимал «как удовольствие, утешение, убежище, цветок жизни, но отличный от самой жизни». См.: Varese 1961. P. 58.

¹¹ Morelli 1956. P. 270.

быть более ловким в общении», владеть навыками куртуазной обходительности, приобщиться к культуре, познать искусство красноречия, «чтобы уметь вести любой разговор смело и свободно, но не развязно»¹². Знание латыни и некоторая осведомленность о древних греках и римлянах были полезны купцу для успешного ведения дел в городе и установления плодотворных контактов за его пределами. Для части горожан, лишь на слух знакомых с достижениями античной культуры, был характерен стереотип восприятия античности, как некоего культурного образца, позитивной модели, полезной и для организации межличностного общения. При этом большинство из них не считало себя «книжными людьми», предпочитая античным авторитетам выбор, продиктованный собственным жизненным опытом, сноровкой в делах и практикой.

Условно такой вид рецепции античной культуры, при всех ее позитивных оценках и признании несомненной пользы для ведения торговли, делового общения и занятий на досуге, можно считать нижним уровнем восприятия. Обращение к текстам семейных книг позволяет выявить ряд его признаков: образование авторов, как правило, ограничивалось городской счетной школой, слабым знанием латинского языка, что не давало возможности читать произведения древних авторов. Информация, относящаяся к античной культуре, усваивалась, главным образом на слух от школьных учителей и посредством живого общения с более эрудированными согражданами.

Уровень более глубокого интереса к античному наследию заметен со второй половины XIV в. по такому признаку, как некоторое беспокойство представителей церкви по поводу увлеченности горожан языческой культурой. Проповедник-доминиканец Джованни Доминичи, требовал от своей паствы не читать стихи древнеримских поэтов, особенно «развратнейшие книги» и «плотские писания, поучающие телесной любви» Вергилия, хотя он лояльно относился к моралистике Катона, поучениям Эзопа и Сократа, стоической философии Цицерона¹³.

К XV в. даже среди плохо владеющих латынью горожан стали распространяться культурные практики создания эрудитских кружков: интерес к древним авторам позволял отдохнуть от дел, получить утешение и моральное наставление, скрасить досуг старости. Вокруг предпринимателя, купца и банкира из Прато Франческо Датини сформировалось подобие эрудитского кружка. Агенты этого купца Микеле Бенини и Поло Джунтини, действующие в Венеции, сообщали ему деловую информацию в изящных письмах с латинскими цитатами, свидетельствующими об их основательной начитанности¹⁴. Самому Франческо Датини его

---

¹² Ibid. 60 a. P. 278–259.

¹³ Dominici 1860. P. 134–135.

¹⁴ См.: Livi 1910. P. 23–24.

друг нотариий Лапо Маццей пенял на то, что «для души» он больше читает не Священное Писание, а Тита Ливия и Валерия, хотя и без того владеет «сладким стилем» более, чем это приличествует купцу¹⁵. Эрудированный банкир Аньоло дельи Альи из Пизы цитировал в элегантных письмах своего любимого автора – Сенеку, что заметно по его переписке с новеллистом Франко Саккетти¹⁶.

Античные произведения все более давали о себе знать в текстах купеческой литературы явным или скрытым цитированием. Последнее характерно для апологетической «Хроники», составленной торговцем шелком Грегорио Дати. Он родился в бедной семье торговца рыбой, и не изучал латынь, что не мешало ему приводить перефразированные строки Вергилия, Тита Ливия, Валерия Максима, упоминать факты древнеримской истории, связанные с Клеопатрой, Еленой Троянской, с правлением Цезаря и Константина Великого; уподоблять войну между Флоренцией и Миланом (1389–1402) Третьей Пунической войне¹⁷.

В практике историописания появился прием «наложения» античных героев и исторических эпизодов на ситуации и события флорентийской истории, которым пользовался, как главным методом в своих последних произведениях историк и моралист Джованни ди Филиппо Кавальканти (1351–1381)¹⁸. В его морально-философских комментариях заметно влияние широко распространенных в XV в. «Этики» и «Политики» Аристотеля, а также речей и трактатов Цицерона и Сенеки. Знакомство с трудами Светония, Лукана, Ювенала, Саллюстия и Овидия, но особенно Валерия Максима, свидетельствовало о широком кругозоре Джованни ди Филиппо¹⁹. Но отсутствие прямого цитирования на латыни позволяет предполагать, что творения древних авторов были известны ему из переведенных на *volgare* компендиумов и хрестоматийных сборников²⁰. В труде, условно озаглавленном исследователями «Политико-моральный трактат», Кавальканти сопоставлял ситуации, героев и антигероев флорентийской истории с произвольно отобранными образцами древних эпох, заимствованными из компендиума трудов Валерия Максима²¹ и «Истории» Геродота. Хитроумие Мазо дельи Альбицци он

¹⁵ Lettera in Prato 5.03.1391 // Mazzei 1880. Vol. 1. P. 17.

¹⁶ Lettera in Firenze di 22.02.1391; 20.10.1391 // Livi 1910. P. 48–49.

¹⁷ Dati 1904. P. 15, 25, 30, 37, 77, 82, 83, 88, 108, 109, 111–113, 120. Для Дати характерен прием парафразно-центонного цитирования в описании событий современности. История о городе Луни, якобы разрушенным из мести оскорбленным мужем, представляла явный парафраз мифа о похищении Елены Троянской и разрушении Трои.

¹⁸ См.: Базелика 2007; Краснова 2012.

¹⁹ Grendler 1973. P. 38–42.

²⁰ О популярности компендиумов в XV в. см.: Zambrini 1878. P. 269–273; Garin 1966. Vol. 1. P. 231–237; Martines 1963. P. 283–285; 326.

²¹ Труд Валерия Максима «Достопримечательные деяния и высказывания» был переведен на *volgare* в XIV в., возможно, Джованни Боккаччо.

уподоблял уловкам персидского царя Дария, а его законодательную деятельность – совершенному правлению Пифагора над кутронами. Микеле ди Ландо, вождя восставших в 1378 г. чомпи, Кавальканти ставил выше законодателя Ликурга²². В использовании данного метода, по мнению М. Грендлер, Кавальканти не имел предшественников среди гуманистов, за исключением некоторых попыток Джованни Боккаччо (*De casibus illustrium virorum*) и Маттео Пальмиери (*Della vita civile*). Но Боккаччо и Пальмиери проводили такое сравнение в отдельных случаях, а Кавальканти построил весь «Трактат» на применении этого метода²³.

Итак, для представленного уровня рецепции античного наследия характерно, что купцы, банкиры и предприниматели Флоренции, не получавшие чаще всего специальных познаний в латинском языке, более широко обращались к текстам латинских авторов, с которыми в основном они знакомились по хрестоматийным сборникам цитат и фрагментов из произведений античных авторов, переведенных на родной язык, хотя нельзя исключить и некоторое знание латыни. На этом этапе заметны некоторые новые культурные практики: создание подобия эрудитских кружков, объединяющих связанных деловыми интересами лиц с разным уровнем образования, вступающих в общение не только устно, но и посредством интенсивной переписки. Так, корреспондентами Франческо Датини, не получившего никакого специального образования, являлись нотариус Лапо Маццеи, окончивший факультет гражданского права Болонского университета, и писатель Франко Саккетти. Формировалась своего рода «мода» на знание античных произведений.

Постепенно складывалась практика сопоставлений выдающихся флорентийцев и героев античной эпохи, известных по переводу труда Валерия Максима. Думается, что созданию позитивного образа античной эпохи и стремлению к «наложению» героев античности на замечательных личностей флорентийской истории способствовал культурный код традиций городской хронистики. Авторы полноформатных хроник, ведущих повествование от сотворения мира или основания Флоренции, подчеркивали связь флорентийской истории с Древним Римом, черты преемственности городских структур и явлений с событиями эпохи Юлия Цезаря и последующих²⁴. Горожане следовали за хронистами Джованни Виллани и Маркьонне ди Коппо Стефани, внушавшими гордость происхождением родного города от республиканского и цезарианского Рима, видя в этом залог вечной жизнеспособности Флоренции²⁵.

²² Cavalcanti 1973. P. 127–128, 138–139, 136–137, 176–179. Этот трактат представляет третью часть манускрипта, посвященного истории рода и персональной истории Джованни Кавальканти.

²³ См.: Grendler 1973. P. 39–40.

²⁴ Об этой традиции см.: Benvenuti 1995. P. 205–252; Ragone 1998. P. 9–18.

²⁵ Виллани 1997. Кн. 1. Гл. 38–46; Stefani 1903 (начальные главы хроники).

В XIV в. немало граждан владели латынью на уровне городских латинских школ более высокой ступени или университетов. Прежде всего, это юристы и нотариусы, часто выступавшие авторами семейных книг и дневников. Примером является переписка знатной семьи Кастильонкьо²⁶. Самым известным ее представителем в XIV в. был Лапо да Кастильонкьо (1316–1381), лидер гвельфской партии 1350–1370-х гг. (выслан из Флоренции в 1378 г.). Лапо «закончил факультет канонического права Болонского университета, стал Доктором», с 1357 г. почти 20 лет читал право во Флорентийском Studio, имел частную адвокатскую практику²⁷. Об учености мессера Лапо свидетельствует опись его библиотеки, составленная сыновьями в 1382 г.²⁸ Среди домашних и хозяйственных книг перечисляются «Этика» и «Метафизика» Аристотеля²⁹, тексты Августина Блаженного³⁰, Цицерона³¹, Кассиодора³².

Из текста «Эпистолы» Лапо да Кастильонкьо можно составить полное представление о степени его эрудированности в трудах античных авторов³³. Как все юристы, он питал профессиональный интерес к кодексам римского права, черпая доводы из «Дигест» Юстиниана и сборников городского законодательства³⁴. Помимо наиболее цитируемых авторитетов – Данте и Виллани, Лапо часто ссылался на Писание и выдающихся теологов³⁵. Но он несомненно был начитан в трудах античных мыслителей. В начале рассуждений о знатности он аргументировал тезис о том, что личная доблесть выше знатности по рождению, сентенциями из комментариев Макробия «Сон Сципиона» и «Энеиды» Вергилия, где среди грешников в Аду подвергались мукам те, кто не хранил верности их Республике³⁶. Он наставлял сына на примерах «мудрых и глубоких греческих философов» Сократа, Эврипида и Демосфена, указывая, что Сократ был сыном камнереза (*marmorajo*); у Эврипида

²⁶ Кастильонкьо – одна из ветвей рода феодального рода Да Квона, владения которого находились недалеко от Флоренции. Faini 2010. P. 138, 152; 159, 204; Cortese 2005.

²⁷ Lapo da Castiglionchio. Epistola // Epistola o sia Ragionamento ... 1753. P. 56–57.

²⁸ Il libro memoriale de' figliuoli... 1893.

²⁹ Una Etica et una Metafisica d' Aristotile in carta di capretto in affe in uno volume (Этика и Метафизика Аристотеля на картах из кожи козленка, скрепленные в один том).

³⁰ Agostino de dottrina Christiana in carte di pecora (Христианская доктрина Августина на пергамене).

³¹ L'arte vecchia et nuova di Tullio in carte di capretto, coperto di verde (Старое и новое искусство Туллия на картах из козьей кожи, покрытых зеленым).

³² Cassiodoro «De vere amicitia», scritto in parecchie carticelle di pecora (Кассиодор. «Об истинной дружбе», написанный на немногих картах из пергамена).

³³ Структура эпистолы следует схоластической форме: текст делится на два раздела, включающих в себя по три части, в каждой из которых содержится ответ на один из вопросов, якобы, заданных сыном.

³⁴ Lapo da Castiglionchio. Epistola ... P. 21–29.

³⁵ Ibid. P. 14–19.

³⁶ Ibid. P. 2.

мать являлась повитухой (ostetrice) и плебейкой, а Демосфен родился от неизвестных отца и матери. Вергилий – «вождь римской элоквенции» – «был рожден от грубых сельских родителей... в маленькой деревенской крепости»³⁷. В качестве образца выступал и Марк Катон – «человек плебейского происхождения, который стал в великом городе Рима... достойным и знаменитым гражданином, Консулом и прославленным Цензором»³⁸. Далее следовали легендарные римские цари: Туллий Остилий, «воспитанный до своего возмужания пастухом»; Тарквиний Приск, «отец которого был чужеземным торговцем, даже не итальянцем»; Сервий Туллий, «рожденный от раба; но воистину по знатности доблести заслуживший звания Короля Римлян»³⁹. В этом же ряду и Веспасиан, ибо, имея безвестное происхождение, стал сиятельнейшим лицом, благородно царствовал над Республикой, ...да и происхождение Цезаря было сомнительным, ведь его отец почти неизвестен»⁴⁰.

Лапо ссылался на инвективу Саллюстия против Цицерона, речи Цицерона, на Сенеку Старшего, который в своих «Controversiae» рекомендовал знатнейшему римскому гражданину Марию стать творцом собственной доблести. Он приводил стихи Горация Флакка – «очень знаменитого Сатирика и Поэта, не стыдившегося признаваться, что рожден от отца – либертина и глашатая (banditore), хотя и тот, и другой удостоились славы»⁴¹. Наконец, Лапо цитировал «Этику» Аристотеля, возможно, воспользовавшись тем списком, который хранился в его личном собрании рукописей⁴². Объясняя феномен дегенерации родов, он ссылался на «многие главы» Валерия Максима⁴³. В той части «Эпистоль», которая была посвящена хронике событий, Лапо опирался на труд Джованни Виллани, но также упоминал Тита Ливия⁴⁴.

³⁷ Ibid. P. 6. Вергилий был одним из самых цитируемых в городской среде авторов. На «Энеиду» Вергилия ссылались и сын Лапо Бернардо и его племянник Франческо. – Risposta di messer Bernardo canonico fiorentino // Epistola o sia Ragionamento... P. 136; Copia d' una lettera scritta in Roma per messer Francesco d' Alberto da Castiglionchio al ditto Alberto suo padre // Ibid. P. 161.

³⁸ Lapo da Castiglionchio. Epistola ... P. 7. Очевидно, имелся в виду Марк Порций Цензорий Старший (234–149 гг. до н. э.)

³⁹ Тулл Гостилий – третий легендарный царь Рима, разрушивший Альба Лонгу и победивший сабинян. Тарквиний Приск – царь, которому приписывают строительство в Риме Большого сточного канала, храма Юпитера и большого цирка. Сервий Туллий – предпоследний римский царь и законодатель (578–534 до н. э.)

⁴⁰ Lapo da Castiglionchio. Epistola ... P. 8. Тит Флавий Веспасиан – римский император (69–79 до н. э.), сын откупщика-сабина.

⁴¹ Ibid. P. 4–6.

⁴² Ibid. P. 13, 18, 19. В тексте эпистолы имеются ссылки на 1-ю (P. 13, 18, 19) и 4-ю (P. 13) книги Этики, также на «Политику» Аристотеля, кн. 1, гл. 4 (P. 19).

⁴³ Ibid. P. 14.

⁴⁴ Ibid. P. 117. Сочинитель уподоблял Фаринату дельи Уберти по доблести римскому Камиллу, ссылаясь на Тита Ливия.

Частые цитаты из сочинений философов, писателей и поэтов, приведенные в рассуждениях этого юриста, не оставляют сомнения в непосредственном знакомстве Лапо с их трудами. Само обилие имен упоминаемых античных авторов свидетельствует о глубоком знании латинской и древнегреческой философии и литературы.

К подобным выводам подводит и анализ «Книги памятных записок» нотариуса Бернардо Макиавелли (1428–1500)⁴⁵, вторым сыном которого был великий Никколо. Макиавелли-отец исполнял обязанности нотариуса и юрисконсульта во Флоренции, но не обладал широкой практикой и не занимал государственных должности⁴⁶. По кадастру 1498 г. его годовой доход оценивался в 110 флоринов, что свидетельствует о среднем достатке, но в семье было много детей, в т.ч. три дочери, которых предстояло выдавать замуж⁴⁷. Поскольку Бернардо не мог иметь значительного домашнего собрания копий античных текстов, он прибегал к двум традиционно распространенным в городском обществе культурным практикам ради удовлетворения своего интереса к древним авторам. Во-первых, обращение к библиотекам. Бернардо являлся постоянным читателем библиотеки при монастыре Санта Кроче, где на него был заведен специальный формуляр: в его домашней книге сделана отметка о возврате двух фолиантов сочинений Цицерона и Боэция, причем подчеркнуто, что «Цицерона я брал для собственного удовольствия»⁴⁸. Наконец, этот горожанин использовал широко практикующийся в повседневных отношениях обмен книгами.

Как и Лапо да Кастильонкьо, с профессиональной точки зрения его интересовали кодексы классического права. В 1486 г. он заимствовал у своего знакомого Томмазо Дети, обладавшего значительной библиотекой, «Кодекс» Юстиниана и «Новые Дигесты»⁴⁹. Но Бернардо испытывал и большую потребность в исторических, философских и литературных произведениях древних авторов. В 1475 г. он заключил со своим приятелем, священником Никколо Тедеско, договор о «Декадах» Тита Ливия. Бернардо брался выписать из этого труда все географические названия, необходимые его другу для занятий астрологией, а «полная книга» Ливия переходила к нему в собственность и служила потом учебником по латыни для его сыновей⁵⁰, возможно, особенно для Нико-

---

⁴⁵ Machiavelli 1954.

⁴⁶ Возможно, причиной отстранения от политической деятельности стали анти-медицейские выступления его родственника Джироламо Макиавелли.

⁴⁷ См. о Бернардо Макиавелли: Вес 1978; Виллари 1914; Гусарова 1983.

⁴⁸ Machiavelli 1954. P. 11.

⁴⁹ Ibid. P. 116. Запись датирована апрелем 1480 г. Другая запись о каком-то тексте Юстиниана, заимствованном у соседа, датирована январем 1481 г. (Ibid. P. 123)

⁵⁰ Ibid. P. 14, 35. Имеется отметка о выполнении договора с Тедеско и полном удовлетворении сторон.

ло и его младшего брата, которых отец после завершения начального обучения в школе «абако» поместил в школу более высокой ступени для прохождения курса латинской стилистики. Бернардо Макиавелли занимал на время «Новую риторику» Цицерона⁵¹, «Этику» Аристотеля⁵², заказывал переплести труды грамматика Присциана⁵³. У некоего знакомого Лапаччино он заимствовал «Космографию» Птолемея «с картами на хлопковой бумаге»⁵⁴. Капеллан церкви Сан Джованни из Поппи передал ему на месяц в пользование текст Плиния на *volgare*, а взамен получил от Бернардо «Сатурналии» и «Сон Сципиона» Макробия⁵⁵, сам Бернардо возвратил знакомому с большим опозданием «Филиппики» Цицерона⁵⁶. Круг чтения семьи Макиавелли, судя по «Книге памятных заметок», по большей части составляли произведения античных авторов. Лишь в одном месте встречается запись о Библии, а трактаты средневековых богословов и писания пап упоминаются очень редко.

Иногда интерес к античным мыслителям проявлялся и с иной профессиональной стороны. Например, в первой четверти XV в. входящий в кружок корреспондентов Франческо Датини купец Паоло Убриаки, выходец из старой фамилии нобильского происхождения, стал, если можно так выразиться, профессиональным картографом, основав в Испании несколько мастерских по изготовлению географических карт. Убриаки широко использовал тексты Птолемея, а также современных портоланов, лоций и путевых заметок, что позволило ему уточнить расположение атлантических берегов Европы⁵⁷.

В XV в. продолжалась и стала еще более заметной практика создания интеллектуальных сообществ на основе увлечения античными текстами: неоднократно упоминались собрания городских интеллектуалов на вилле Аньоло Пандольфини (1360–1446) в Понте-а-Синья, контадо Флоренции. Пандольфини получил хорошее образование, владел латынью и славился познаниями в философии⁵⁸. Биограф Веспасиано да Бистиччи давал высокую оценку его образованности: «Он... прекрасно знал латынь и был очень сведущ в философии, как моральной,

---

⁵¹ Ibid. P. 123. Запись о возврате нотарию Маттео «Новой Риторики» и нотарию Дзаноби «De Oratore» Цицерона датирована 1480 г.

⁵² Ibid. P. 88. Есть только отметка о возврате книги некоему Джованни ди Франческо, в которой «Этика» была переплетена вместе с текстами Цицерона.

⁵³ Ibid. P. 123. Некий Лацерио ди Бартоломео должен был переплести 39 тетрадей – полный текст «Грамматических наставлений» Присциана из Цезарии (нач. VI в.), который преподавал в Константинополе.

⁵⁴ Ibid. P. 15, 31. В «Книге» имеется отметка о возврате текста.

⁵⁵ Ibid. P. 70. Два текста Макробия были скреплены вместе в деревянный переплет, обтянутый кожей, отделанной розовыми вставками.

⁵⁶ Ibid. P. 58–59.

⁵⁷ Письмо, повествующее об Убриаки, находится в сб.: Livi 1910. P. 20–25.

⁵⁸ См. о нем: Вес 1967; Краснова 2011. Т. II. Кн. 1. С. 469–470.

так и естественной... Мессер Леонардо д'Ареццо очень ценил его суждения..., не писал и не переводил с латыни никакого труда, прежде не спросив мнения Аньоло Пандольфини»⁵⁹. Последние 12 лет жизни Аньоло провел вдали от дел на загородной вилле, часто собирая там для бесед на философские темы флорентийских интеллектуалов, со многими из которых, в частности, с Леонардо Бруни, он был связан дружбой. Его высоко ценил гуманист Маттео Пальмиери, а Леон Баттиста Альберти называл Пандольфини своим наставником в науке о моральных добродетелях, сравнивая его с Сократом⁶⁰.

Невзирая на дороговизну копирования текстов, в среде знатоков древних языков появилась практика сбора и комплектования библиотек памятниками античной мысли, среди которых представители торгово-банковской среды выделяли, прежде всего, Цицерона и Сенеку. Стоицкая философия импонировала мироощущению деловых людей тезисами о деятельной энергии и суровом энтузиазме в борьбе с постоянными ударами рока. Семейный клан Строцци гордился незаурядной ученостью одного из своих членов Бенедетто ди Пьераччоне Строцци, друга гуманиста Джаночцо Манетти: «Он был сведущ и ловок в латинском письме и проверял переводы большого знатока Леонардо д'Ареццо. Он страстно любил красивые и изящные книги...»⁶¹. Лоренцо Строцци, составляя жизнеописания членов своего рода, свидетельствовал, что Бенедетто собирал произведения древних авторов, «страстно желая правильных и красивых книг, которые тотчас же добывал не только для собственного удовольствия, но и для радости своих друзей»⁶².

У богатых горожан распространялась практика найма домашних учителей с целью изучения латинской грамматики: так, Палла ди Нофри Строцци (ум. 1464 в изгнании) до своей смерти продолжал штудировать с магистрами и докторами латинский и греческий языки, чтобы читать в оригинале труды древних философов⁶³. В этой среде появился интерес к греческой учености: Палла Строцци внес значительные средства, чтобы выписать из Византии ученого грека Аргиропуло, с которым он продолжал дружбу и после 1434 г., когда его изгнали в Падую⁶⁴. Он также посещал занятия греческим языком у Мануила Хрисолора⁶⁵. Лоренцо Строцци отмечал энтузиазм своего предка в области классической обра-

---

⁵⁹ Bisticci 1859. P. 291.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Strozzi 1892. P. 47.

⁶² Ibid, p. 47–48.

⁶³ Bisticci 1859. P. 283–284. Состоя в коллегии Флорентийского Studio, Палла Строцци с 1422 по 1433 гг. приглашал наиболее известных ученых на каждый факультет. См.: Strozzi 1892. P. 26.

⁶⁴ Bisticci 1859. P. 283–284.

⁶⁵ Брагина 2007; Соловьев 2011.

зованности: «...Он со всем рвением души устремился к философии, как к науке наиболее достойной..., и чтобы лучше знать ее по первоисточникам, учился греческому языку... у Эммануэля Хрисолора, ученейшего из всех греков...». Палла Строщи «не скупился ни на какие расходы, чтобы заполучить во Флоренцию многие книги на греческом языке, в том числе “Космографию” Птолемея из Константинополя, “Жизнеописания” Плутарха, “Политику” Аристотеля, которую Леонардо д’Ареццо перевел для него на латынь, и многие другие книги». Для комплектования библиотеки Палла держал в своем доме переписчика книг на жаловании⁶⁶. Джованни Ручеллаи приводил список текстов, которые, якобы, сам Палла перевел с древнегреческого на латынь: помимо произведений византийских богословов Иоанна Хризостома⁶⁷ и Григория Назианзина, он упомянул комментарии Симплиция⁶⁸ к первой, пятой-восьмой частям «Физики» Аристотеля, некоторые морали Плутарха, речи Демосфена и Платона⁶⁹. Сомнения в том, что Палла Строщи в весьма преклонном возрасте осуществил многие переводы, обусловлены тем, что Джованни Ручеллаи, компаньон и зять банкира Строщи⁷⁰, идеализировал фигуру тестя, передавая в своей «Записной книжке» миф о мессере Палла, как о «самом счастливом человеке нашего города», а среди семи признаков счастья» называл «познания в греческом языке и латыни»⁷¹.

Говоря о наиболее высоком уровне рецепции античной культуры, следует выделить профессиональный интерес юристов, нотариев, картографов, преподавателей университетов и школ. Но и в более широкой среде образованных горожан формировался дискурс о самоценности античного наследия, его изучению посвящались часы досуга: ради этих культурных практик порой жертвовали торгово-банковскими или политическими делами⁷². Важно, что, начиная с последней четверти XIV в. и далее определенный культурный багаж, главной чертой которого являлось знание латыни, умение рассуждать на темы античной философии и к месту цитировать Вергилия, Горация, Овидия и других римских авторов, становился своего рода визитной карточкой представителей фор-

---

⁶⁶Strozzi 1892. P. 24–26. Он указывал, что по завещанию Палла Строщи библиотека латинских и древнегреческих книг была передана в монастырь Св. Юстина Бенедиктинского Ордена (Р. 43).

⁶⁷ Иоанн Златоуст (347–407).

⁶⁸ Симплиций или Симпликий – греческий философ, толкователь Аристотеля (1-я половина VI в. н. э.)

⁶⁹ Rucellai 1960. P. 64.

⁷⁰ Краснова 2011. Т. II. Кн. 2. С. 98–99.

⁷¹ Rucellai 1960. P. 61. «Самый счастливый среди четырех счастливейших». Остальные три – Козимо Медичи Старший, Леонардо Бруни Аретино и Филиппо Брунеллески.

⁷² Бистиччи писал о том, что другой выдающийся по учености флорентинец Никколо Никколи пожертвовал занятиями торговлей ради латинских и греческих штудий. См.: Веспасиано да Бистиччи 1996. С. 451.

мирующего патрициата – слоя социально-политической элиты города, подчеркивающего свой статус высоким уровнем образованности и приобщенностью к достижениям античной культуры.

В городской среде стали закрепляться определенные культурные практики: создание изначально аморфных сообществ, члены которых, стоящие на разных социальных ступенях и часто принадлежащие к противоположным политическим группировкам, были объединены общим интересом к идеям и образам древних греков и римлян. Не только для детей, но и для себя богатые горожане нанимали домашних учителей, под руководством которых изучали труды античного наследия. В первой половине XV в., особенно после Флорентийского собора 1439 г., стал усиливаться интерес к древнегреческому языку. Эти хобби горожан, зачастую вытесняющие основные профессиональные занятия, дали основание итальянскому литератору А. Де Санктису утверждать, что именно увлеченность светской культурой гуманизма и любовь к искусству способствовали превращению банкиров и предпринимателей в интеллектуальную элиту, потерявшую интерес к торговым делам из-за чрезмерной рафинированности вкусов во второй половине XV в.⁷³ Это утверждение отличается чрезмерной категоричностью: лишь очень узкий слой купцов, банкиров и предпринимателей менял род занятий. Большая часть горожан, не являясь «книжными людьми», менее всего была склонна поклоняться бюсту Платона и авторитету античных авторов, предпочитая опираться в делах на «добрый опыт» старших поколений или свой собственный. Даже для второй половины XV в. невозможно отождествлять «купцов-писателей», авторов меморий и семейных книг, и представителей культуры Возрождения, несмотря на тесное общение части верхушки правящей элиты с гуманистической интеллигенцией. Подавляющее большинство образованных флорентийцев не владели латынью настолько, чтобы читать произведения античных авторов, не вдавались в риторические экскурсы и филологические изыскания, не вникали в философские доктрины. Их интересовала главным образом практическая этика, опирающаяся на обобщение собственного жизненного опыта, который они с удовольствием подкрепляли суждениями античных писателей и мыслителей. Но интерес к их трудам и распространение ряда культурных практик, о которых шла речь выше, свидетельствуют о том, что в сознании ряда горожан представители античной культуры постепенно начинали отодвигать на второй план традиционные церковные авторитеты, обеспечивая этико-дидактическими наставлениями и политическими доктринами, в которых нуждался широкий круг лиц, избираемых на коммунальные должности.

---

⁷³ De Sanctis 1949. Vol. I. P. 401, 408–409.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Базелика Дж. Кавальканти // Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. М.: РОС-СПЭН, 2007. Т. I. С. 715–716. [Bazelika D. Kaval'kanti // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya. M.: ROSSPEN, 2007. T. I. S. 715–716]
- Брагина Л.М. Аргиропуло // Культура Возрождения: Энциклопедия... 2007. Т. I. С. 89. [Bragina L.M. Argiropulo // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya... 2007. T. I. S. 89]
- Веспасиано да Бистиччи. Жизнеописание прославленных людей XV в. Государственные мужи и ученые. Никколо Никколи / Пер. и комм. О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. М.: Юристь, 1996. С. 451–465. [Vespasiano da Bisticchi. Zhizneopisaniya proslavlennykh lyudei XV v. Gosudarstvennye muzhi i uchenye. Nikkolo Nikkoli / Per. i komm. O. F. Kudryavtseva // Opyt tysyacheletiya. Srednie veka i epokha Vozrozhdeniya: Byt, nrawy, idealy. M.: Yurist", 1996. S. 451–465]
- Виллани, Джованни. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., ст. и примеч. М.А. Юсима. М.: Наука, 1997. 550 с. [Villani, Dzhovanni. Novaya khronika, ili Istoriya Florentsii / Per., st. i primеч. M.A. Yusima. M.: Nauka, 1997. 550 s.]
- Виллари П. Никколо Макиавелли и его время. СПб.: Грядущий день, 1914. XXXII, 427 с. [Villari P. Nikkolo Makievelli i ego vremya. SPb.: Gryadushchii den', 1914. XXXII, 427 s.]
- Гусарова Т.П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 142 с. [Gusarova T.P. Gorod i derevnya Italii na rubezhe pozdnego srednevekov'ya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. 142 s.]
- Краснова И.А. Пандольфини // Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. М.: РОС-СПЭН, 2011. Т. II. Кн. 1. С. 469–470. [Krasnova I.A. Pandol'fini // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya. V 2 t. M.: ROSSPEN, 2011. T. II. Kn. 1. S. 469–470]
- Краснова И.А. Практика историописания в городской среде Флоренции XV в.: опыт Джованни ди Филиппо Кавальканти // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М.: РОССПЭН, 2012. С. 31–50. [Krasnova I.A. Praktika istoriopisaniya v gorodskoi srede Florentsii XV v.: opyt Dzhovanni di Filippo Kaval'kanti // Istoricheskaya ramyat' v kul'ture epokhi Vozrozhdeniya. M.: ROSSPEN, 2012. S. 31–50]
- Краснова И.А. Ручеллаи // Культура Возрождения: Энциклопедия. 2011. Т. II. Кн. 2. С. 98–99. [Krasnova I.A. Ruchellai // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya. T. II. Kn. 2. S. 98–99]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011]
- Соловьев С.В. Хрисолор // Культура Возрождения: Энциклопедия. 2011. Т. II. Кн. 1. С. 536–537. [Solov'ev S.V. Khrisolor // Kul'tura Vozrozhdeniya... 2011. T. II. Kn. 1. S. 536–537]
- Bec Ch. À propos de Machiavel: affaires et humanisme à Florence durant la Renaissance // Studi in memoria di Federigo Melis. Napoli: Giannini, 1978. Vol. III. P. 527–542.
- Bec Ch. Florence 1300 – 1600: histoire et culture. Nancy: Presses Univ., 1986. 241 p.
- Bec Ch. Les marchands écrivains: affaires et humanisme à Florence 1375-1434. Paris; La Haye: Mouton, 1967. 489 p.
- Benvenuti A. «Secondo che raccontano le storie»: il mito delle origini cittadine nella Firenze comunale // Il senso della storia nella cultura medievale italiana, 1100-1350: quattordicesimo Convegno di studi: Pistoia, 14–17 maggio 1993. Pistoia: presso la sede del Centro, 1995. P. 205–252.
- Bisticci V. Vite di uomini illustri del secolo XV scritte da Vespasiano da Bisticci; stampate la prima volta da Angelo Mai e nuovamente da Adolfo Bartoli. Firenze: Barbera, Bianchi e Comp., 1859. XXXII, 564 p.
- Branca V. Nota // Morelli G. Ricordi / a cura di Vittore Branca. Firenze: F. Le Monnier, 1956.
- Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The Trattato politico-morale of Giovanni Cavalcanti (1381 – c. 1451): a critical edition and interpretation. Genève: Librairie Droz, 1973. P. 97–222.
- Cazalé Bérard Cl., Klapisch-Zuber Ch. Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2004. № 4 (59e année). P. 805–826.

- Cortese M. E. Nella sfera dei Guidi: i «da Quona» ed altri gruppi familiari aristocratici della bassa Val di Sieve tra XI e XII secolo // Antica possessione con belli costumi. Due giornate di studio su Lapo da Castiglionchio «il Vecchio». Atti del Convegno (Firenze-Pontassieve 3-4 ottobre 2003) / a cura di F. Sznura. Firenze: Aska Edizioni, 2005. P. 157-172.
- Da Certaldo P. Libro di buoni costumi / a cura di A. Schiaffini. Firenze: F. Le Monnier, 1945. 270 p.
- Dati G. L'istoria di Firenze dal 1380 al 1405 / illustrata e pubblicata dal dott. Luigi Pratesi secondo il codice inedito stradiniano collazionato con altri manoscritti e con la stampa del 1785. Norcia: Tip. Tonti Cesare, 1904. XXXVII, 185 p.
- De Sanctis F. Storia della letteratura italiana / a cura di B. Croce. Bari: G. Laterza, 1949. Vol. I.
- Dominici G. Regola del governo di cura familiare / testo di lingua dato in luce e illustrato con note dal prof. Donato Salvi. Firenze: presso Angiolo Garinei libraio, 1860. (pag. varia)
- Epistola o sia Ragionamento di messer Lapo da Castiglionchio celebre giureconsulto del secolo XIV. colla vita del medesimo composta dall'abate Lorenzo Mehus. Si aggiungono alcune lettere di Bernardo suo figliuolo e di Francesco di Alberto suo nipote. Con un'appendice di antichi documenti. Bologna: per Girolamo Corciolani, ed eredi Colli a S. Tommaso d'Aquino, 1753. LX, 222 p.
- Faini E. Firenze nell'età romanica (1000-1211): l'espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze: Olschki, 2010. XXXVII, 441 p.
- Garin E. Storia della filosofia italiana. Torino: G. Einaudi, 1966. Vol. I. XIV, 495 p.
- Grendler M. The Trattato politico-morale of Giovanni Cavalcanti (1381 – c. 1451): a critical edition and interpretation. Genève: Librairie Droz, 1973. 251 p.
- Il libro memoriale de' figliuoli di m. Lapo da Castiglionchio (1382) / Ed. di F. Novati. Bergamo: stab. tip. fratelli Cattaneo, 1893. 29 p.
- Lenzi D. Il Libro del biadaiole // Pinto G. Il libro del Biadaiole: Carestie e annona a Firenze della metà dal' 200 al 1348. Firenze: L. S. Olschki, 1978. XXI, 562 p.
- Livi G. Dall'archivio di Francesco Datini mercante pratese: celebrandosi in Prato addi XVI d'agosto MDCCCX auspice la Pia Casa de' Ceppi il V centenario della morte di lui. Firenze: presso F. Lumachi, 1910. 59 p.
- Machiavelli B. Libro di ricordi / a cura di Cesare Olschki. Firenze: F. Le Monnier, 1954. 281 p.
- Martines L. The social world of the Florentine humanists: 1390-1460. London: Routledge and Kegan Paul Ltd, 1963. X, 419 p.
- Mazzei L. Lettere di un notaro ad un mercante del sec. XIV, con altre lettere e documenti / per cura di C. Guasti. Firenze: Successori Le Monnier, 1880. Vol. I. CXLIII, 444 p.
- Morelli G. Ricordi / a cura di V. Branca. Firenze: F. Le Monnier, 1956. 547 p.
- Nuovi testi fiorentini del Dugento con introduzione, trattazione linguistica, glossario / a cura di A. Castellani. Firenze: Sansoni, 1952. Vol. I. XII, 458 p.
- Pandimiglio L. Giovanni di Pagolo Morelli e la ragion di famiglia // Studi sul medioevo cristiano offerti a Raffaello Morghen, per il 90 anniversario dell'Istituto Storico Italiano (1883-1973). Roma, 1974. Vol. 2. P. 553-608.
- Ragone F. Giovanni Villani e i suoi continuatori: la scrittura delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1998. XV, 256 p.
- Rucellai G. Il Zibaldone // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. 1: Il Zibaldone quaresimale: pagine scelte / a cura di A. Perosa. London: The Warburg Institute, 1960. XXVII, 264 p.
- Stefani M. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani / a cura di N. Rodolico // Rerum Italicarum scriptores: raccolta degli storici italiani dal Cinquecento al Millecinquecento / ordinata da L. A. Muratori. Città di Castello: S. Lapi, 1903. Vol. XXX. P. I. CXXI, 677 p.
- Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi: commentario di Lorenzo di Filippo Strozzi, ora interamente pubblicato con un ragionamento inedito di Francesco Zeffi sopra la vita dell'autore / [a cura di P. Stromboli]. Firenze: Pei tipi di Salvatore Landi, 1892. XXVI, 214 p.
- Varese Cl. Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino: Einaudi, 1961. 294 p.
- Zambrini F. Le opere volgari a stampa dei secoli XIII e XIV. Bologna: presso Nicola Zanichelli, 1878. LVI, 1172 p.

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; gorward_@mail.ru

Тельменко Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь); teilman@mail.ru

Levels of perception of antiquity by Florence citizens (according to family books, diaries, correspondence)

The given article is devoted to the perception of the ancient heritage by the representatives of Florence urban environment, who were non-humanists in the 14th and 15th centuries. The research is conducted on the basis of sources of a personal origin, related to the literature of “the second plan”: family books, correspondence, and also biographies and chronicles. Such principles as the scope of reading, the level of education, the knowledge of Latin, goal setting, reflecting different degrees of intellectualization of the townspeople engaged in trade, business, and banking are posited as the basis to determine the levels of their appropriation of the ancient culture. The article represents an attempt to define the influence of the Florentine patriciate formation process upon the development of the intellectual and cultural elite in the first half of the 15th century.

Keywords: perception of the ancient heritage, society of Florence, intellectual elite, family books, erudite communities

Irina Krasnova, Dr. Sc. (History), Professor, Institute of the Humanities, North Caucasus Federal University; gorward_@mail.ru

Elena Telmenko, PhD in History, Associate professor, Institute of the Humanities, North Caucasus Federal University; teilman@mail.ru